

Геологический вестник

Ветераны – команда молодости

У Главтюменьгеологии сложная, но яркая биография. Например, год основания – послевоенный 1948-й.

Хронология начала начал нефтеразведки увековечилась в двух датах – 1953 и 1960 год. Это «дни рождения» первых месторождений газа и нефти.

И завершающий грандиозный успех тоже можно выразить в двух цифрах: за 30 лет открыто почти 500 месторождений на территории от Тюмени до о. Белый.

Могло быть и больше, но начались времена «новых людей».

Экспедиционный люд заметался: кто стоял в очереди за контейнером для вещей, кто-то покупал избу на «юге» то есть под Тюменью, а кто-то благополучно перебрался в города к нефтяникам бурить эксплуатационные скважины... А пенсионеры-ветераны мучительно размышляли, где же им остаться жить? Если на Севере, то будет выше пенсия. Если на «юге» (т.е. в Тюмени), то пенсия ниже, а продолжительность жизни больше...

И как раз в это время добавилась новая проблема. Тюменская область, некогда крупнейшая в СССР, теперь распадалась на три независимых региона – Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Везде создавались ветеранские организации, но общего языка они не находили, царил разнобой. Как ни удивительно, но помощь пришла к тюменским ветеранам геологии из Москвы. Общественная общероссийская организация «Ветеран-геологоразведчик» в которой на постоянной основе работает избранный Президиум, помогла ветеранам бывшей «Главтюменьгеологии» наконец объединиться.

Новый председатель Станислав Васильевич Гончаров, сменивший на посту своего друга и соратника А.А.Халина, преодолев барьер разобщенности, сразу взялся за решение другого важного вопроса – присвоить ветеранской организации имя создателя дважды орденосной Главтюменьгеологии Юрия Георгиевича Эрвье.

Работа по регистрации оказалась продолжительной и трудной, но помог руководитель ОАО «Тюменьгеология» Анатолий Васильевич Григорьев. Поскольку информативность и гласность движительная сила, то сразу создали свой сайт «ветерантюмгео.рф». Он получился интересным и содержательным.

Также на счету у ветеранской организации издание книг, встречи с журналистами СМИ, ежегодное участие в проводимых «СибНац», Салмановских чтениях. В этом году принимали участие в литературном конкурсе им. Сидоренко, который проводится Всероссийской общественной организацией «Ветеран-геологоразведчик» и Федеральным агентством по недропользованию с 2010 года. Ветераны Тюменского регионального совета ветеранов войны и труда предприняли «Главтюменьгеология» имени Ю.Г.Эрвье постоянно встречаются со студентами университета и геологоразведочного училища. Тон в этой работе задают А.Гомберг, И.Гиря, Н.Глебов, А.Мыльцев.

Ветеранская организация под руководством Станислава Васильевича Гончарова ведет работу по-новому. Непростое и нелегкое дело искать ветеранов геологии, ныне проживающих в близлежащих к Тюмени районах. Но находят. Оказалось, что многие люди, проработавшие в отрасли 20-25 лет, не имели звания «Ветеран-труда». Уже сотне людей совет ветеранов помог получить заслуженное почетное звание.

Тюменский региональный совет ветеранов войны и труда предприятий «Глав-

Гончаров Станислав Васильевич – Председатель Совета Ветеранов Родился 04.10.1938 г. в г. Грозный Чечено-Ингушской АССР. Почетный разведчик недр (1985).

Окончил Грозненский нефтяной институт (1963). Электромонтер, инженер-технолог автоматизация контроля процессов бурения и добычи нефти НГДУ «Старогрознефть» (1956–1963).

Инженер, старший инженер Сургутской НРЭ (1963-1967). Начальник ПТО Надымской НРЭ Главтюменьгеологии (1967–1969). Районный инженер Тюменской ВГСЧ (1969-1970). Командировка в р. Афганистан (1970–1974). Старший инженер по бурению, зам. начальника, начальник производственного отдела по бурению Главтюменьгеологии (1978–1981). Главный инженер производственного объединения «ОНГ» (1981–1987). Начальник производственного отдела по бурению Главтюменьгеологии (1987-1990). Начальник технического отдела концерна «Тюменьгеология» (1990–1994).

Начальник технического отдела ГП «Тюменьнедра» (1994-1996). Технический директор ЗАО «Югсон» (1996-1998). Начальник ПТО ЗАО «Тюмень-Универсал» (1998-1999). С 1999 г. – менеджер по нефтепромысловому и буровому оборудованию ЗАО «Югсон-Сервис». Один из высококвалифицированных специалистов главка в области бурения нефтяных и газовых скважин. При его непосредственном участии открыто 70 нефтяных и газовых месторождений, в т. ч. Бованенковское, Западно-Сургутское, Заполярное, Лянторское, Федоровское, Медвежье, Менчинкинское, Тяновское, Ноябрьское, Сурторминское, Харасавэйское.

Автор 12 опубликованных трудов, 4 запатентованных изобретений, более 100 рационализаторских предложений.

За разработку и внедрение новых технологий в геологоразведочном производстве удостоен золотой медали ВДНХ (1986). Награжден орденом «Знак Почета» (1985), медалями «100-летие нефтяной промышленности России» (1964), «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1980), «Ветеран труда» (1984). Отмечен знаками «Отличник разведки недр» (1988), «300 лет горно-геологической службе России» (1999).

Тюменьгеология» имени Ю.Г.Эрвье стали замечать, подчеркивать его роль в ветеранском движении Тюменской области и двух автономных округов.

Замечательно, что совет ветеранов не забывают и тех, кто вошел в историю Тюменского края. По их инициативе установлена памятная доска на старом доме, где жил знаменитый главный геолог Фарман Курбанович Салманов и на новом доме, где жил знаменитый буровик, бывший генеральный директор объединения Объединенная нефтегазгеология, коренной тюмонец и почетный гражданин Югры – Виктор Михайлович Пархомович. На местных авиалиниях можно увидеть лайнеры с именами на борту Эрвье или Салманова.

Вот так живет, действует и держится вместе горстка ветеранов в девяност лет человек из бывлой мощной Главтюменьгеологии.

В планах у Тюменского регионального совета ветеранов войны и труда предприятий «Главтюменьгеология» имени Ю.Г.Эрвье отметить две знаменательные даты. Это – 85-летие образования Ямало-Ненецкого Ханты-Мансийского округов. И вторая дата общероссийского значения – 50-летие учреждения профессионального праздника День геолога. А в ближайших планах активное участие совета в проведении X Всероссийской открытой полевой олимпиаде юных геологов.

Л.В.Уланова

История развития и результаты геологоразведочных работ, проведенных Главтюменьгеологией на территории Тюменской области

В 1934–1943 гг. в Западной Сибири начаты рекогносцировочные исследования на нефть и газ, первое научное обоснование которых было дано академиком И.М. Губкиным.

В первые, в послевоенные годы развернулись широкомасштабные систематические геологоразведочные работы. Важнейшим явилось решение технического совета Министрства геологии СССР от 10.06.1947 г. о бурении опорных скважин и поисках нефти и газа в Западной Сибири. В 1948 году министр геологии СССР И.И. Малышев утвердил решение научно-технического совета о направлениях нефтегазописковых работ в восточных районах страны. Факт принятия плана региональных работ под руководством Министерства геологии имел, безусловно, огромное значение. Первая опорная скважина (Тюменская) на территории Западно-Сибирской равнины начата бурением 15 февраля 1949 г., а всего за период 1949–1962 гг. пробурено 29 скважин, две из которых стали первооткрывательницами газовых месторождений: Березовского в юрских отложениях и Тазовского в сеноманских. В 17 скважинах получены признаки нефти, в том числе малодобитные притоки из Малоатлымской и Колпашевской скважин, пленка нефти из Сургутской опорной.

В разрезе опорных скважин отмечено наличие благоприятных для нефтеобразования и накопления терригенных фаций мезозоя, что нашло свое подтверждение в 1960–61 гг., когда были открыты Шаимское нефтяное месторождение в юрских отложениях и Мегионское в неокме, что показало региональный характер продуктивности мезозоя. Для решения задач начального этапа освоения Западной Сибири в январе 1948 г. были созданы Центральная Западно-Сибирская нефтегазразведочная (г.Новосибирск), Тюменская нефтегазразведочная (через 5 месяцев преобразованная в Тюменскую роторную буровую партию) и Тюменская геофизическая экспедиции. Именно с этого момента началась тюменская геологоразведка.

В мае 1950 г. Тюменская роторная буровая партия реорганизована в Тюменскую геологоразведочную экспедицию. Начальником экспедиции назначен Исаак Абрамович Павловский. В октябре 1952 года

на базе Тюменской геологоразведочной экспедиции создан Тюменский трест по поискам и разведке нефти и газа (Тюменьнефтегеология), управляющий трестом – Афанасий Кузьмич Шиленко. 21 сентября 1953 г. был получен фонтанный приток газа в Березовской опорной скважине. Событие исключительной важности. Доказана промышленная значимость газоносности Тюменской области. В феврале 1954 г. на базе Тюменской геофизической экспедиции организован Западно-Сибирский геофизический трест (ЗапСибнефтегеофизика). Управляющий трестом – Юрий Николаевич Грачев. В сентябре 1957 г. тресты «Тюменьнефтегеология» и «ЗапСибнефтегеофизика» были объединены в Тюменский геологоразведочный трест. Управляющий трестом – Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье. В декабре 1957 г. Тюменский геологоразведочный трест преобразован в крупнейшее в стране Тюменское территориальное геологическое управление (ТТГУ). Начальник управления – Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье. 1960–1961-е стали годами получения первых промышленных фонтанных притоков нефти из юрских (Шаим) и меловых (Усть-Балык, Мегион) отложений, подтвердивших самые высокие прогнозы нефтеносности региона, а промышленный фонтан природного газа из сеноманских отложений на Тазовской площади (1962 г.) возвестил об открытии нового для региона продуктивного горизонта – сеноманского.

Началось становление и бурное развитие Тюменского топливно-энергетического комплекса, сопровождающееся исключительно активным, не имеющим аналогов в мировой геологоразведке развитием поисково-разведочных работ (глубокое бурение, геофизика), заслужившее в свое время самые лестные эпитеты не только в нашей стране, но и на мировой арене. Самым точным из них является – «открытие XX века». В целях приближения оперативного руководства геологоразведочными работами в северных районах Тюменской области приказом Тюменского территориального геологического управления от 14 июня 1958 года была организована Ямало-Ненецкая комплексная геологоразведочная экспедиция (ЯНКГРЭ) с местом нахождения в городе Салехарде. На экспедицию бы-

Романовская Л.А., Гончаров С.В., Финакова Т.М., Сафронов П.П., Тихомирова В. В.

Ветераны геологии

ла возложена задача поисков и разведки всех полезных ископаемых на территории Ямало-Ненецкого национального округа. Возглавляли экспедицию Иван Федорович Морозов (начальник экспедиции), Андрей Петрович Ослоповский (главный геолог), Вадим Дмитриевич Бованенко (начальник экспедиции с 1961 года). 27 сентября 1962 года из скважины № 1, пробуренной на Тазовской структуре, был получен первый в ЯННО фонтан газа, возвестивший об открытии крупнейшего в мире газоносного бассейна. Тазовская земля стала первооткрывательницей ямальских кладовых нефти и газа. Этот фонтан положил начало резкому увеличению объема геологоразведочных работ в Ямало-Ненецком национальном округе. 1 января 1964 года в соответствии с перспективами развития работ на территории ЯННО на базе Ямало-Ненецкой комплексной геологоразведочной экспедиции был создан трест «Ямалнефтегазразведка». Управляющим трестом стал Вадим Дмитриевич Бованенко, главным геологом – Андрей Петрович Ослоповский. С Тазовского месторождения началось открытие супергигантов: Заполярного (1965 г.), Уренгойского (1966 г.), Ямбургского (1969 г.) и других крупнейших месторождений северных областей Западной Сибири. Открытие уникального Заполярного месторождения считается историческим, именно с его открытия началась новая энергетическая политика СССР, ориентированная на Западную Сибирь как основной источник углеводородного сырья. Пятое по времени открытия в ЯНАО Уренгойское месторождение на сегодняшний день является вторым по величине начальных запасов газа месторождением в мире – 12,4 трлн м³, извлекаемые запасы нефти также уникальны – 631,6 млн тонн. Месторождение является гордостью российских геологов. В 1965 году в ХМАО было открыто Самотлорское нефтяное месторождение, по разведанным запасам ставшее самым крупным в Советском Союзе и вошедшее в десятку крупнейших в мире. Советский Союз быстро начал завоевывать роль крупной мировой ресурсной державы, а в экономике государства все большее значение начинали занимать средства, вырученные от продажи энергетических ресурсов. За успешное выполнение заданий семилетнего плана (1959–1965 гг.) по приросту разведанных запасов нефти и природного газа, создание новой сырьевой базы нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1966 года Тюменское территориальное геологическое управление было награждено

орденом Ленина – высшей наградой государства. Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 9 июля 1966 года № 512 «Об усилении геологоразведочных работ на нефть и газ и освоении выявленных крупных газовых месторождений в северных районах Тюменской области» на базе Тюменского ТГУ было организовано Главное Тюменское геологическое управление (Главтюменьгеология, 1966–1990 гг.) – крупнейшее в Советском Союзе геологическое производственное предприятие. С созданием главка в зону его ответственности кроме Тюменской области вошли северные территории Красноярского края, полуостров Таймыр. Перед геологами страна ставила стратегические задачи. В ближайшие пять лет необходимо было прирастить один триллион кубометров разведанных запасов газа, более миллиарда тонн нефти и конденсата. Для сравнения: за все годы разведки месторождений Украины, Поволжья и Туркмении их общие разведанные запасы газа не превышали одного триллиона. Для проведения геофизических работ на нефть и газ на территории ХМНО в соответствии с приказом Министерства геологии РСФСР от 4 февраля 1965 года был организован Ханты-Мансийский геофизический трест (Хантымансийскгеофизика), подчиненный Главтюменьгеологии, с местонахождением в городе Ханты-Мансийске. Для увеличения объемов глубокого бурения в районах Среднего Приобья с 1 января 1967 года организован Обский геологоразведочный трест на нефть и газ «Обьнефтегазразведка» с местонахождением в городе Сургуте. Для усиления геологоразведочных работ на нефть и газ на севере Красноярского края в феврале 1967 г. в составе Главтюменьгеологии организован специализированный геологоразведочный трест буровых работ на нефть и газ «Норильскнефтегазразведка». В сентябре 1970 г. трест был ликвидирован. Для проведения геофизических работ на нефть и газ на территории ЯННО в соответствии с приказом Министерства геологии РСФСР от 8 сентября 1967 года был организован Ямало-Ненецкий геофизический трест (Ямалгеофизика), подчиненный Главтюменьгеологии, с местонахождением в пос. Лабитнанги. Приказом Министерства геологии РСФСР от 31 декабря 1970 г. геологоразведочные тресты были ликвидированы, а все нефте-разведочные экспедиции с 1 января 1971 года были подчинены непосредственно Главтюмень-

геологии. За досрочное выполнение заданий девятого пятилетнего плана (1971–1975 гг.) и социалистических обязательств по приросту разведанных запасов нефти и природного газа и достижение высокой экономической эффективности геологоразведочных работ по развитию сырьевой базы нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири Главтюменьгеология Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1976 года была награждена вторым орденом – орденом Трудового Красного Знамени.

В целях улучшения структуры управления геологоразведочными работами на нефть и газ в связи с их дальнейшим ростом в Тюменской области в составе Главтюменьгеологии были образованы производственные геологические объединения по разведке нефти и газа: в 1976 году – «Ямалнефтегазгеология», «Обьнефтегазгеология», в 1978 – «Уренгойнефтегазгеология», «Мегионнефтегазгеология», «Хантымансийскнефтегазгеология», в 1981 – «Пурнефтегазгеология», в 1982 – «Ямалгеофизика», «Хантымансийскгеофизика», в 1987 – «Заполярьегазгеология», «Тюменьпромгеофизика». В середине 80-х гг. в Главтюменьгеологии работали восемь крупнейших производственных объединений, три научно-исследовательских института, проектный институт, главный вычислительный центр, лаборатория, оснащенная по последнему слову техники, тематическая экспедиция по подсчету запасов углеводородного сырья, десятки нефтегазразведочных, геологоразведочных и геофизических экспедиций, строительные тресты. У главка были свой речной флот и отданная в его распоряжение авиация. Главтюменьгеология была самой мощной геологической службой мира. В этот период благодаря инициативе Ф.К. Салманова – талантливого руководителя, начальника Главтюменьгеологии, сменившего на этом посту Юрия Георгиевича Эрвье, назначенного заместителем Министра геологии СССР, резко увеличился объем крайне необходимых сейсморазведочных работ с применением современной модификации ОГТ и с новым техническим перевооружением. Были пробурены все самые глубокие скважины с забоем свыше 5000 м и Тюменская сверхглубокая скважина (7502 м). Опоисковывались глубокие горизонты нижнего мела и юры, газ которых оказался высококонденсатным. Были

разведаны крупнейшие многопластовые месторождения газа и нефти.

В 1984 году Советский Союз вышел на первое место в мире по добыче природного газа – 587 миллиардов кубометров в год. К этому времени было закончено сооружение газопровода Уренгой – Ужгород. Во Франции состоялась церемония открытия трансконтинентального газопровода Западная Сибирь – Западная Европа протяженностью свыше 20 тысяч километров. По нему экспорт тюменского голубого топлива осуществлялся в Германию, Францию, Италию, Голландию, Бельгию и ряд других стран. На сегодняшний день в Западной Сибири открыто 8 уникальных (более 300 млн тонн) и 52 крупных (60–300 млн тонн) по запасам нефтяных, 19 уникальных (более 500 млрд м³) и 52 крупных (75–500 млрд м³) газовых месторождений. Все это стало возможным благодаря слаженному механизму взаимодействия научных и производственных организаций, грамотной кадровой политике. Во многом благодаря заделу, заложенному в дореформенный период по запасам нефти и газа, и развитой промышленной инфраструктуре Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса стране удалось выйти из политического и экономического кризиса 90-х гг. и сохранить Российскую Федерацию на карте мира в современных границах. И еще на долгие годы именно с развитием нефтегазовой сферы будут связаны перспективы развития и Тюменской области, и всей страны.

Восполнение минерально-сырьевой базы – основная задача геологов новой волны. Сегодня у них есть опыт первопроходцев, имена которых золотыми буквами вписаны в летопись освоения Западной Сибири.

Обзор составлен
в Сибирском научно-аналитическом центре

Полевые работы

В «Полярной морской геологоразведочной экспедиции» прошла приемка полевых материалов

28 мая 2015 года в ПМГРЭ состоялась приемка полевых материалов по объекту «Геолого-геофизическое изучение и оценка минерально-сырьевого потенциала недр Антарктиды и ее окраинных морей (западная часть моря Космонавтов, горные районы Земли Мак-Робертсона и Земли Принцессы Елизаветы) в составе 60 РАЭ». Целевым назначением геолого-геофизических работ в сезоне 60 РАЭ являлось обеспечение геополитических интересов России в Антарктике в форме систематических региональных геолого-геофизических исследований недр Антарктиды и прилегающего континентального шельфа, представляющих собой потенциальный резерв добычи минерального сырья будущими поколениями человечества.

В рамках данного объекта геолого-геофизические исследования проводились по следующим направлениям:

- комплексные морские геофизические работы в море Космонавтов;
- специализированные геологические работы в районе массивов Раймилл, Блумфилд и Стинир (горы Принс-Чарльз, Восточная Антарктида);
- комплексные аэрогеофизические (аэромагнитные и радиолокационные) исследования на Земле Принцессы Елизаветы, в северной части берега Леопольда и Астрид;
- сейсмические исследования методом преломленных волн (МПВ) в районе станции Восток (центральная Антарктида);
- природоохранные и экологические работы на полевых базах и полевых лагерях.

Полевые работы проводились в период с декабря 2014 по март 2015 года. В состав комиссии по приемке полевых материалов помимо сотрудников ПМГРЭ были включены Начальник Российской Антарктической Экспедиции В.В. Лукин, а также сотрудники Отдела геологии и минеральных ресурсов Антарктики ВНИИОкеангеология д. г.-м. н. Г.Л. Лейченков, и к. г.-м. н. А.В. Голынский. Также в приемке материалов участвовал д. г.-м. н. Е.В. Михальский (ВНИИОкеангеология).

В ходе рассмотрения полевых материалов и документов по всем направлениям работ комиссия установила, что все предусмотренные Проектом и Техническим заданием виды работ выполнены с высоким качеством и в полном объеме.

В своих выступлениях члены комиссии отметили ряд существенных достижений.

Оценивая результаты комплексных морских геофизических работ в море Космонавтов, члены комиссии отметили высокий уровень полевых

материалов, полученных с использованием нового сейсмического комплекса DigiSTREAMER 2D производства компании ION (США) и морского магнитометра SeaSPY2, установленных в 2014 году на НИС «Академик Александр Карпинский» по программе реконструкции судна. Успешная реализация программы реконструкции позволила на базе НИС «Академик Александр Карпинский» создать современное многоцелевое геолого-геофизическое судно, способное обеспечить высокий уровень проведения сейсмических, гравимагнитных и геологических исследований во всех районах Мирового Океана.

В результате комплексных морских геофизических работ, проведенных НИС «Академик Александр Карпинский» в 60 РАЭ, предварительной обработки и интерпретации полевых материалов была получена новая информация высокого качества о структуре фундамента, земной коры и строении осадочного чехла западной части моря Космонавтов. Высокое по сравнению с предшествующими исследованиями разрешение сейсмической записи на профилях 60 РАЭ позволяет более детально изучить строение сейсмических комплексов осадочного чехла бассейна моря Космонавтов. Дальнейшая корреляция основных отражающих горизонтов с использованием материалов предшествующих экспедиций позволит в значительной степени уточнить существующую сейсмостратиграфическую модель.

По данным МОГТ в море Космонавтов впервые установлено положение границы Мохоровичича, а мощность консолидированной земной коры, по предварительным оцен-

кам, составляет 6,5–4,0 км. Фундамент бассейна надежно выделяется в основании осадочного чехла по всем полученным сейсмическим профилям и представлен кристаллическими комплексами Восточно-Антарктического щита и океанического фундамента.

Дополнительные магнитные наблюдения в северной части района работ (в области развития океанической коры) впервые выявили в море Космонавтов отчетливые линейные аномалии запад-северо-западного простирания, ортогональные простиранию палеотрансформных разломов. Интегрирование полевых материалов ранее полученными магнитометрическими материалами отечественных и зарубежных экспедиций позволит провести их идентификацию и впервые получить сведения о возрасте океанической коры и скорости палеоспрединга в рассматриваемом регионе.

Полученные полевые материалы позволяют более обоснованно подойти к оценке перспектив нефтегазоносности осадочного бассейна моря Космонавтов.

По специализированным геологическим работам таковым в первую очередь является сама уникальность объекта исследований, поскольку в пределах массива Раймилл вскрываются породы двух структурно-вещественных комплексов мезоархейского возраста. В ходе работ подробно изучен их вещественный состав, для пород обоих комплексов построены детальные геологические разрезы, выполнено большое количество структурных наблюдений. Впервые исследована южная, ранее не посещавшаяся, часть массива Раймилл. В ходе работ собраны многочисленные данные о

комплексе интрузивных и жильных пород, развитом на исследованной территории, в его составе впервые выделен ряд разновидностей. Также впервые составлено подробное геоморфологическое описание массивов Раймилл и Блумфилд и изучен комплекс рыхлых кайнозойских отложений, в составе которого выделено 14 разновозрастных типов пород.

По аэрогеофизическим исследованиям: полученные материалы частично подтверждают структурные построения, для этой территории, сделанные по данным спутниковой радиолокационной съёмки RADARSAT. В то же время следует отметить, что они не позволяют сделать однозначного заключения о рифтогенной природе вновь выявленных структур. Вероятно, здесь произошло наложение как минимум двух крупных разновозрастных процессов тектонической активизации: одного по периферии относительно стабильного Вестфолльского блока (включающего Вестфолльский протократон), сопровождавшегося интенсивным интрузивным магматизмом, вулканической активностью и горообразованием и второго по линейной зоне субмеридионального и северо-западного простирания, носившей преимущественно блоковый, сбросо-сдвиговый характер. Также комиссия отметила, что в ходе работ из-за выхода из строя ледового лоатора МПИ-60 была проведена его замена на экспериментальный радиолокатор РЛК-130. Для последнего не отработан комплекс программ визуализации данных, что привело к снижению качества радиолокационных данных.

По сейсмическим исследованиям: несмотря на сжатые сроки и сложные условия полевых работ, получены сейсмические данные высокого качества. По предварительным оценкам, на поверхности кристаллического фундамента в депрессии озера Восток можно предполагать наличие относительно низкоскоростного слоя ($V^* = 5.4$ км/с), который может являться консолидированными осадочными, возможно, слабометаморфизованными породами. Мощность этого интервала, установленная на полевом этапе, составляет около 1 км. Это значение хорошо соотносится с предварительными результатами 59 РАЭ (до 1.5 км), но будет уточняться в результате окончательной обработки материалов.

Все работы сезона 60 РАЭ выполнены в полном объеме, в соответствии с проектом и Техническим (геологическим) заданием на 2015 год и подтверждены первичной документацией. Собранные полевые материалы допущены к камеральной обработке в полном объеме. Комиссия приняла полевые геолого-геофизические материалы по объекту с оценкой отлично.

Каменная палитра

Абзелитовская
яшма

Продолжение.
Начало в №5 от 5 июня 2015 г.

Аюсазовский куст проявлений яшмы расположен в 3,5 км к востоку от Банного озера, между пос. Геологоразведка и дер. Аюсазово.

На площади размером 500x230 м выявлено 28 относительно крупных и 19 мелких линзовидных яшмовых тел протяженностью 8-200 м и мощностью до 10 м.

На Аюсазовском проявлении распространены моно- и полихромные яшмы, причем все с интенсивной цветовой насыщенностью. По характеру рисунка выделяются следующие основные разновидности яшм:

- однотонная сургучно-красная, иногда со слабо выраженной полосчатостью, обусловленной чередованием полос с разными оттенками основного цвета;

- пятнистая – ее рисунок обусловлен расплывчатыми пятнами сургучно-красного, ярко-красного и бежевого цвета;

- сферолитовая (оолитовая) – для ее рисунка характерно наличие на сургучно-красном фоне шлировидных гнезд и цепочек мелких до 1 мм круглых сферолитиков серовато-белого цвета. Там же отмечаются ветвистые прожилки белого полупрозрачного кварца мощностью 0,1-0,5 см;

- полосчатая яшма характеризуется чередованием полос шириной 0,4-1,5 см голубовато-зеленого и серовато-зеленого цвета с редкими рыжевато-красными и вишневыми полосами. Внутри каждой полосы наблюдаются полоски, отличающиеся по интенсивности окраски от основного цвета;

- яшма ташбулатовского типа наблюдается в виде овальных гнезд оранжево-розового цвета диаметром от 5 до 15 см, которые пронизаны ветвистыми разнонаправленными прожилками молочно-белого или бесцветного прозрачного кварца мощностью 0,2-0,8 см. Участками в блоках наблюдаются разводы интенсивно-насыщенного розового и вишневого цвета;

- ситцевая – в коричневатой-красной основной массе брекчии наблюдаются бесформенные пятна или вытянутые зоны, выполненные обломками яшмы различной формы размером 0,1-1,5 см светло-розового и ярко-красного цвета, которые сцементированы серовато-белым кварцем;

- ажурная (сетчатая) – представляет собой брекчированную сургучно-красную яшму, залеченную белым кварцем, причем образуется она, как правило, в непосредственной близости от яшмы ташбулатовского типа. Кусочки дробленого материала представлены треугольниками и сложными многогранниками в основном одного размера – от 0,5 до 4 см, преимущественно монотонного насыщенно-коричневого с фиолетовым оттенком, реже ярко-красного цвета. Но суть в особенностях образовавшегося рисунка, ибо скреплены они между собой кварцем не абы как. Обломки разбитой яшмы как бы обведены нитевидными полосками кварца шириной 1-3 мм. И то, как выглядят эти нарисованные природой картины, самое интересное. При взгляде на камень возникает такое впечатление, словно на него наброшена легкая ажурная шаль или разорванная паутина. Картина необыкновенная. Ничего подобного больше нигде не встречал.

Юлдашевское яшмовое поле состоит из 10 кустов проявлений яшмы, растянувшихся с севера на юг на 14 км. Все проявления приурочены к Юлдашевской антиклинали. Наиболее интересными являются Кушеевское, Чебаркульское, Юлдашевское, Таксыровское и Белоагатинское яшмовые кусты.

Таксыровский куст проявлений яшмы расположен в 14 км к Ю-В от с. Аскароро,

в 0,5 км к северу от дер. Таксырово.

Декоративные яшмы представлены двумя относительно крупными пластобразными и 12 линзовидными телами субмеридионального простирания, падающими на восток. Протяженность яшмовых тел колеблется от первых десятков метров до 150 м, мощность от 0,5 до 15 м. По цвету выделяются две разновидности декоративных яшм – однотонная и пестроцветная. Однотонная яшма имеет опаловидный облик, цвет ее белый, светло-серый с голубоватым оттенком или зеленый разных оттенков, а неясно выраженный рисунок напоминает в зависимости от цвета то облачное небо, то морской пейзаж. Окраска пестроцветных яшм весьма разнообразна благодаря присутствию множества цветов: красного, вишневого, оранжевого, коричневого, белого, голубовато-серого, голубовато-зеленого (цвета морской воды), фиштакского, серого и черного. Рисунок этих яшм также многообразен: полосчатый (линзовидно-полосчатый, волнисто-полосчатый), пятнистый, брекчиевидный. Участками яшмы пронизаны белыми кварцевыми и халцедоновыми прожилками мощностью до 0,5 см и линзочками размером 0,5x7 см, реже ярко-зеленого эпидота. Яшма очень декоративна и хорошо принимает зеркальную полировку.

Белоагатинский куст проявлений яшмы расположен в 12,5 км Ю-В с Аскароро, в 5 км южнее дер. Юлдашево.

Яшма под этим названием известна уже давно. По данным академика А.Е. Ферсмана, в XIX в. здесь было добыто ее 600 пудов. В своей книге «Драгоценные и цветные камни России» он упоминает о белоагатинской яшме как об «очень редкой и весьма ценной белой с красными пятнами полупрозрачной яшме, образующей переходы в мясной агат».

Проявления расположены в западном крыле Юлдашевской антиклинали вблизи

ее южного периклинального замыкания и приурочены к кремнистым туффитам. Выявлены 8 тел яшмы различной формы с размерами от 3x4 м до 40x250 м. Падение на Ю-З под разными углами. По цвету выделяются монохромные, пользующиеся преимущественным развитием, и пестроцветные яшмы.

Однотонные яшмы окрашены в какую-либо одну цветовую гамму слабой насыщенности: красновато-сургучная, серовато-зеленоватая-бурая, голубовато-зеленая, голубовато-серая. Часто они имеют неясно выраженный пятнисто-полосчатый рисунок. Участками на однородном фоне возникает сетка из нитевидных прожилков кварца и эпидота.

Пестроцветные яшмы наблюдаются в виде гнезд или крупных пятен неправильной формы внутри тел сургучной яшмы и по характеру рисунка представлены следующими основными декоративными разновидностями:

- брекчиевая – брекчиевидная порода типа мясной агат, в которой раздробленные обломки размером до 3 см сургучной яшмы с вишневым и ярко-красным оттенками находятся в цементирующей массе тонко издробленного яшмового материала и молочно-белого зернистого кварца. Яшма как бы пронизана сетью разно ориентированных прожилков кварца мощностью от 0,1 до 2-3 см, контрастно подчеркивающих раздробленность породы. Объем кварцевых прожилков составляет 30-70% объема яшмы. В зависимости от этого общая окраска меняется от красно-коричневой до красновато-серой. Размеры обособлений варьируют от 10x30 см до 0,5x2 м;

- полосчатая – в виде линз размером от 0,3x1,5 м до 3,0-15,0 м. Характеризуется ритмичным чередованием полос шириной 0,1-2 см различной окраски – сургучной, шоколадной, вишневой, серой и зеленой всевозможных оттенков и тональности.

Встречаются небольшие гнезда опаловидного просвечивающего кварца голубовато-белого цвета.

- белоагатинского типа – на сургучно-красном фоне как бы начертаны серповидные, серповидно-ветвящиеся и кольцевидно-волнистые тонкие линзы серовато-белого кварца размером 0,3-0,5x2-5 см, придающие породе оригинальный облик.

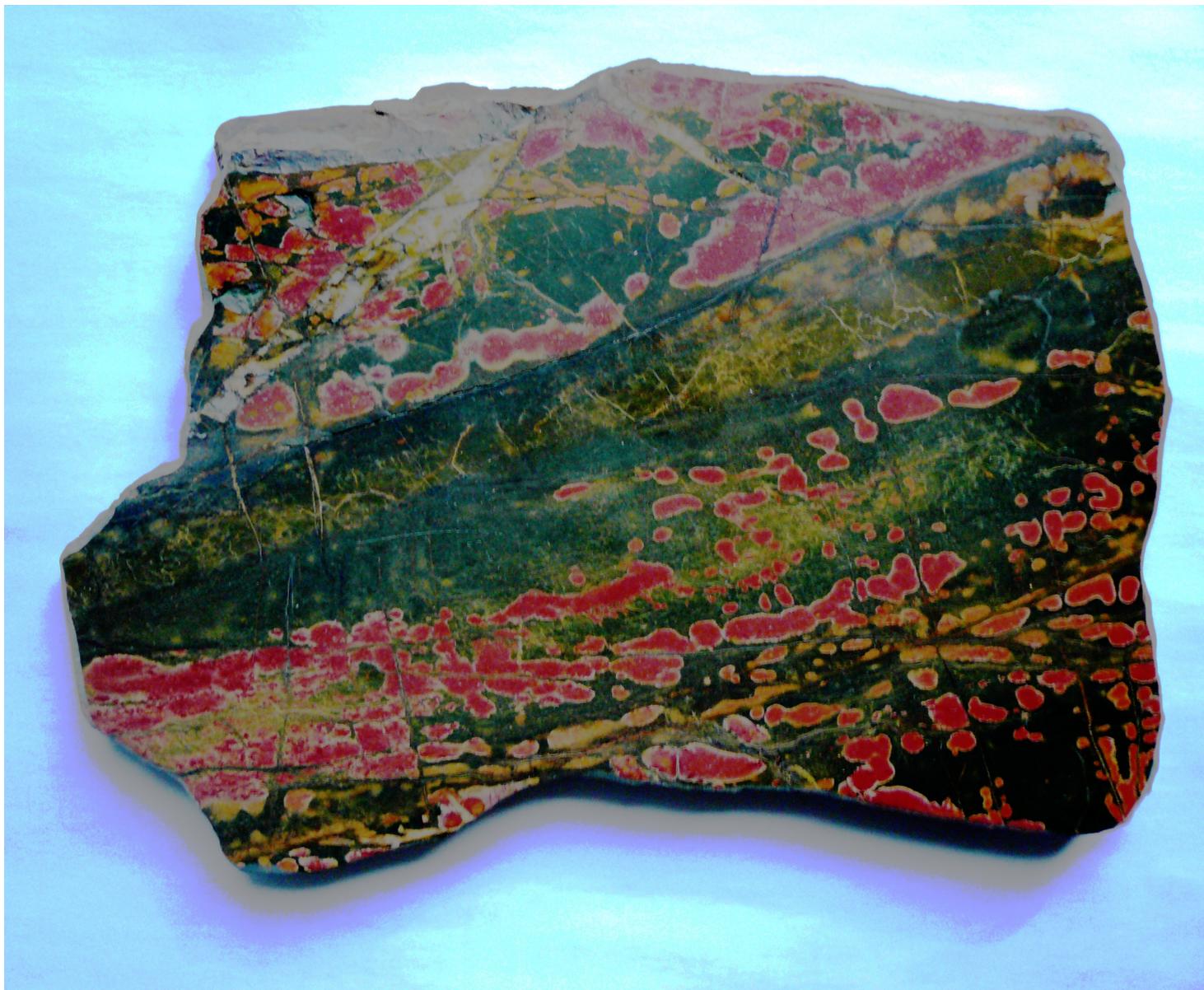
Яшма плотная, принимает зеркальную полировку и обладает высокой декоративностью.

Юлдашевский куст яшмовых проявлений находится (условный центр) в 7 км на Ю-В от п. Аскароро и в 2,8 км к С-С-З от одноименной деревни.

В полосе длиной 4,5 км и шириной 90-190 м известно около 50 тел декоративной яшмы пластобразной и линзовидной формы. Группами по 4-13 штук они образуют 5 линейно вытянутых свит яшмовых тел. Протяженность свит варьирует от 340 до 970 м, в свою очередь сами тела имеют длину 15-400 м и ширину (на поверхности) 3-30 м. Тела и линзы яшмы высокой декоративности тяготеют к прерывистой пачке кремнистых и яшмовидных туффитов, залегающих как вдоль контактов с ними, так и внутри них.

По цвету встречаются яшмы как однотонные, так и полихромные (пестроцветные). Однотонная разновидность представлена обычно яшмой красновато-коричневого цвета интенсивной насыщенности с неотчетливо выраженным полосчатым рисунком или редкими тонкими полосками зеленого цвета, а также монохромной яшмой серовато- и грязно-зеленого цвета. Пестроцветные яшмы характеризуются большим разнообразием цветов, в то же время о рисунчатости этого сказать нельзя. Окраска их зеленая всевозможных тонов и оттенков, салатная, фиштакская, болотная, голубовато-зеленая, розовато- и сургучно-красная, темно-вишневая, бежевая,

Каменная палитра

темно-серая. По характеру рисунка она в основном полосчатая, реже пятнистая и линзовидно-полосчатая. Полосчатость обусловлена чередованием полос разной ширины (0,1-3 см) преимущественно в сургучно-красной и зеленой цветовой гамме. Помимо этого, отмечаются тонко-полосчатые разновидности с шириной полос менее 2 мм и окраской в серо-зеленой и желто-зеленой гамме. Границы полос как четкие, так и размытые. Между полосами наблюдаются мелкие овальные пятна размером от 1x2 мм до 2x5 см, окрашенные в светло-зеленый, темно-коричневый и черный цвета, резко контрастирующие с окружающей их породой, что повышает общую декоративность и привлекательность камня. В отдельных местах полосчатость приобретает извилисто-волнистый облик, за счет чего рисунок становится пейзажным, напоминающим то струи горного ручья, то морские волны или легкую водную рябь на мелководье с просматривающимися на дне песчаными микро дюнами, а то голубовато-серое облачное небо в ненастную погоду. Брекчиевидная текстурная разновидность иногда встречается, но в целом является экзотикой.

Ярлыкаповская группа проявлений яшмы

Проявления расположились в 3 км к западу от п. Аскароро в виде узкой полосы, имеющей северо-восточное простирание и длину 27 км, проходящей вдоль дер. Ярлыкапово.

В структурно-тектоническом плане описываемый участок приурочен к западному крылу Бягодинской синклинали с моноклиальным залеганием вулканогенно-осадочных комплексов нижнего и среднего девона, в составе которых участвует пологопадающая на восток пачка яшмоидных кремнистых туффигов (Ярлыкаповская толща). Необходимо отметить, что в силу контрастного состава и внешнего вида (сургучно-красный цвет), эта толща, несмотря на свою незначительную видимую мощность (около 100 м), четко прослеживается на сотни километров, являясь маркирующим горизонтом. И на всем протяжении к ней тяготеют яшмовые тела.

Ярлыкаповская толща сложена перемежающимися слоями однотонных яшмоидов шириной 3-32 м коричневатого-красного и серовато-зеленого цвета средней на-

приобретают пестроцветную окраску, становясь собственно пятнистыми и полосчатыми яшмами. После обработки такая яшма приобретает зеркальную полировку. Для палитры пятнистых яшм характерно хаотичное распределение расплывчатых пятен с широкой цветовой гаммой в пастельных тонах: зеленая, серовато-зеленая, голубовато-зеленая, желтая, розовато-желтая, красная. Сложные цветовые переходы иногда создают пейзажный эффект. Реже распространены яшмы полосчатого и линзовидно-полосчатого сложения с чередованием полос шириной 1-3 см зеленого, малиново-красного, оранжево-красного и коричневого цвета. А в одном небольшом прослое на темно-зеленом, почти черном фоне породы можно увидеть очень необычные рисунки с яркими выделениями вишнево-красного, малинового и розового цвета виде рваных лоскутков размером до 5 см и выстроившимися в цепочки шариков диаметром 1-5 мм. Полируемость этой яшмы невысокая, но картинки получают потрясающими.

Судя по дошедшим до нас документам, дер. Ярлыкапово впервые упоминается в первой половине XVIII в. под названием Масыгутово – по имени ее жителя, одного из старшин тамьянской волости Масыгута Кабасова, участника башкирского восстания 1737-1739 годов. В результате подавления этого восстания и жестокой расправы над его участниками на месте разоренной и сожженной дотла деревни впоследствии возникла новая, но уже с другим названием, по имени местного купца Ярлыкапа Кунакбаева.

Лишь узнав при подготовке материалов для данной статьи о трагической судьбе жителей этой и окрестных деревень почти трехсотлетней давности, я наконец-то понял причину необычной окраски местной яшмы в совершенно несвойственных для нее траурных тонах, характерной только для данного места. Бесформенные пятна с остроугольно-иссеченными и пламевидными контурами, взаимно пересекающиеся извилистые полоски и цепочки мелких округлых вкраплений розового и багрово-красного цвета на зеленовато-черном фоне напоминают то языки пламени полыхающего пожара, то струи и капли окаменевшей крови погибших здесь мятежных башкир. Никакие другие аналогии при этом не возникают. Но есть здесь и совершенно другая яшма – голубовато-зеленого цвета, символизирующего торжество добра и жизни над силами зла. Залегая в двух разных по составу пластах горных пород, разобщенных в пространстве на несколько десятков метров, над деревней Ярлыкапово эти непохожие друг на друга яшмы буквально соприкасаются на скальном гребне, возвышаясь природным памятником народным героям-мученикам.

Евгений Ляшенко

Разговор у костра

Сеймчанские
ТИПЫ

Вместо предисловия

Посёлок Сеймчан – центр Среднеканского района Магаданской области. Он возник на месте стойбища юкагиров и был основан в XVII веке казаками. Именно отсюда после работ легендарной экспедиции Ю.А.Билибина, высадившегося в 1928 году со своими сотрудниками с корабля в бухте Нагаева и открывшего богатые россыпные месторождения, началась «Золотая Колыма». Почти сразу после открытия золотоносных россыпей это место стало одной из баз геологоразведчиков Дальстроя, с конца 30-ых годов в качестве основной рабочей силы использовавшей труд осуждённых по различным статьям уголовного кодекса. Значительный процент из них составляли заключённые по пунктам знаменитой статьи 58 – враги Советского народа. В районе Сеймчана было несколько лагерей, где помимо золота добывали оловянные руды и уголь для местных нужд, – фабрика Лазо, Каньон, Эльген и другие. После смерти вождя к 1954 году все лагеря были ликвидированы, а в посёлке продолжало базироваться Сеймчанское ГРУ (геологоразведочное управление) Дальстроя, преобразованное в дальнейшем в Сеймчанскую КГРЭ (комплексную геологоразведочную экспедицию) СВГУ (Северо-Восточного Геологического Управления) с центром в городе Магадане. В конце 50-ых и 60-ых годах прошлого века СВГУ (затем СВТГУ – та же аббревиатура, но с добавлением слова «Территориальное») развернуло в центральных районах р. Колымы и на Западной Чукотке широкий объём геологоразведочных работ, включавших геологическое картирование мелкого, среднего и, в меньшей степени, крупного масштабов, а также предварительную геологическую разведку с попутной добычей руды. Благодаря работам сотрудников Сеймчанской КГРЭ (СКГРЭ) были открыты новые богатые россыпи на Западной Чукотке в районе р. Мал. Анюй, где в конце 50-ых годов возник новый посёлок, названный в честь упомянутого выше легендарного геолога, безвременно ушедшего в другие миры и измерения в 1952 году. В начале 60-ых годов значительная часть геологов СКГРЭ переехала в пос. Билибино, который через несколько лет заслуженно приобрёл статус города.

Приведённая выше, может быть, несколько излишняя информация даёт некоторое представление об истории этого небольшого ППТ, уютно расположившегося на северной границе обширной Сеймчано-Буондинской впадины в 7 км от р.Колымы среди сопки и горных хребтов. Следует ещё добавить, что во время войны в посёлке начал действовать аэропорт, через который по ленд-лизу в более западные районы страны в обмен на наше золото американские самолёты-бомбардировщики «Дуглас» (впоследствии купленные СССР по лицензии и известные затем как самолёты Ли-2, обслуживавшие местные северные авиалинии вплоть до конца 70-ых годов прошлого века) поставляли продовольствие, так называемого «Второго фронта». Широкая долина в при-

устевой части левобережья реки Сеймчан при её впадении в р. Колыму представляет собой прекрасный природный аэродром, где он и был построен эсками. Ими же по проекту одного из заключённых, на воле работавшего архитектором, был возведён (точнее сказать, «срублен») двухэтажный красавец-аэропорт из лиственницы – просто чудо среди колымской тайги и кособоких бараков. К середине 60-ых годов Сеймчан стал важным грузовым и пассажирским аэропортом, через который осуществлялась связь Магадана с Западной (Билибино, Певек) и, в меньшей степени, Восточной (Мыс Шмидта, Анадырь) Чукоткой.

Предвоенная, военная и послевоенная история Сеймчана послужила причиной того, что здесь к 60-ым годам прошлого века возник достаточно благоустроенный (по северным меркам того времени) посёлок («Северная Пальмира» – говорили про Сеймчан люди с Чукотки), где была прекрасная библиотека, неплохой клуб, музыкальная школа, свой совхоз с замечательной молочной продукцией, работавший без перебоев круглый год, несмотря на морозы до –50°C и ниже, и т.д., а главное, – интересные люди, среди которых было немало с высшим образованием из разных городов страны (прежде всего, конечно, геологическим, а также инженеры-строители, учителя; однако, были специалисты подчас высокого класса и других самых разных, иногда редких специальностей, не по собственной воле попавшие в эти места и оставшиеся здесь после ликвидации лагерей по разным причинам: кто-то потому, что некуда и не к кому было возвращаться на «материк», а кто-то потому, что после отсидки был без права выезда в районы западнее Урала вплоть до начала 70-ых годов). Особую категорию составляли лётчики поларной авиации и, в первую очередь, те, кто летал на вертолётах и самолётах АН-2 во все времена года.

Конечно, интересны и весьма разнообразны были бичи (аббревиатуры «бомж» – без определённого места жительства – в русском языке тогда ещё не существовало; зато англоязычное «бич», перекочевавшее к нам в сибирские просторы неведомым образом, прочно прижилось и шуточно расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек» или ещё как «бедный интеллигентный человек»). Среди них, помимо полностью опустившихся людей с уголовным и без него прошлым, были и очень любопытные типажи – флибустьеры и авантюристы, романтики «больших дорог» со своей философией и необычным взглядом на жизнь. Некоторые из них, что совсем уж дико и нетрадиционно для нашего менталитета, даже не употребляли спиртные напитки! Относительно обилие бичей в Сеймчане, помимо «лагерного» фактора, объяснялось ещё и тем, что во второй половине 60-ых годов вся территория Чукотки стала погранзоной, и туда был закрыт путь деклассированным элементам, которые и оседали в Сеймчане. Ниже попытаюсь, хоть это непростая задача, описать наиболее за-

помнившиеся типажи тех мест и того времени.

БЫВШИЕ З/К старшего возраста Иван Емельянович Гриценко

Когда я появился в посёлочке среди сопки недалеко от легендарной реки и впервые увидел Ивана Емельяновича, он мне, мягко говоря, не очень-то понравился и, если обратил на себя внимание, то только длинной белой бородой «аля Хогтабч» и шляпой, лихо сдвинутой набекрень. Чуть выше среднего роста, слегка сторбленный, довольно-таки запущенный и неряшливый, весьма потрёпанный и пьяный (тогда он крепко поддавал) худощавый старик. Примерно так охарактеризовал бы я его. Между прочим, как раз в тот момент, когда я увидел Ивана Емельяновича первый раз, его выбирали из нашего так называемого «Вечернего ресторана». Это была та же дневная «столовка», но столы покрывались скатертями и появлялись две официантки (одна – худая, другая – с пышными формами и пышущая здоровьем), разносившие алкоголь и закуски. Появлялся, конечно, и дядя Миша (метрдетель!) – очень колоритная личность, осколок империи, но о нём речь позже.

Я поинтересовался у коллег-геологов о Гриценко, и мне рассказали, что Иван Емельянович, или, как тут все его звали и за глаза, и в глаза, Дед (либо Емельянович), родом из Малороссии (Харьковщины), 1906 года рождения, т.е., в первую мою встречу с ним ему было чуть за шестьдесят. Иван Емельянович в конце 20-ых годов окончил Харьковский полиграфический институт и подвизался оформителем в каком-то книжном издательстве. Но это было так – не для души, для существования. Он был художником; прежде всего графиком, но писал и маслом, и темперой, и, что особенно сложно, акварелью. В 1938 году его и ряд его друзей, которые организовали какой-то кружок-объединение, после участия в одной из художественных выставок, осудили по статье 58 с формулировкой что-то вроде «за преклонение перед упадочным искусством Запада» и т.д. Вероятно, продолжительность срока усугубилась, во-первых, групповщиной (кружок), во-вторых, острым языком Деда, т.к. отбахал он в общем итоге 16 лет – до 1954 года; правда, по крайней мере, последние годы отсидки был бесконвойным и в Сеймчане состоялся при сыне уважаемых геологов Сеймчанского ГРУ. Дело в том, что с конца 40-ых – начале 50-ых годов тихих з/к, даже и политических (если, точнее, то политические как раз резко и превалировали), разрешили брать в семьи местных ИТР (инженерно-технических работников) в качестве «учителей-нянек» (вариант денщиков в царской России для дитятей дворян XVIII-XIX веков). Кажется, их официально называли дневальными. Наибольшим спросом пользовались музыканты, учителя иностранных языков, математики, физики, литературы; до некоторой степени – художники или, на худой конец, учителя рисования, иногда спортсмены

для физического развития ребёнка и т.п. В их обязанности входило приглядывать за дитятей, учить тому, что умеешь и знаешь, готовить, колоть дрова и исполнять другую домашнюю работу. Брели в дневальные и просто умельцев, поваров и т.д.. После освобождения Дед остался в Сеймчане прежде всего потому, что был, не знаю по каким уж соображениям властей, без права выезда до конца 60-ых годов. И это несмотря на то, что в начале 1964 года, ещё при Н.С.Хрущёве (напомню, что в октябре этого же года он был снят с поста Генсека ЦК КПСС), в Москве состоялась выставка картин Емельяновича. Её сумел каким-то образом организовать его бывший сеймчанский воспитанник, – ведь для политики партии тогда было важно обличать пороки тоталитарного сталинского режима! Достигнув пенсионного возраста, Дед получил какую-то мизерную пенсию и едва сводил, что называется, концы с концами ещё и потому, что злоупотреблял крепкими напитками, а также тратил деньги на книги.

Года три-четыре после моего приезда в Сеймчан мы официально знакомы не были. Нередко я видел Деда в столовой во время обеда или в магазине. Мы кивали друг другу. Несмотря на то, что Дед тогда постоянно пил, он, по слухам, продолжал много работать. Его гравюры украшали стены почти всех домов посёлка. Затем Емельянович как-то очень резко порвал с бутылкой; никто вначале не верил, что он завязал навсегда. Не знаю, что послужило причиной; это ведь редчайшие случаи среди алкашей. Вероятно, сильно испугался после какого-нибудь сердечного приступа. Вскоре я через моего друга познакомился с Дедом поближе. Мне было около тридцати, ему – на 36 лет больше (!), но мы стали друзьями. К тому времени Емельяновичу дали однокомнатную квартиру, до этого он жил в небольшом бараке с печным отоплением и удобствами на улице. Раза два с друзьями-геологами я, ещё мало зная Деда, пилил и колот для него дрова, ведь на зиму на отопление уходило до 10 и более кубов. Конечно, сейчас городскому человеку, тем более столичному, невозможно представить радость неизбалованного «квартирными излишествами» индивидуума, более трёх десятилетий прожившего на Колыме (из них 16 в лагерях, но не пионерских), и вдруг («Остановись, мгновенье, ты – прекрасно!») ставшего обладателем отдельной квартиры на втором этаже 2-х-этажного 8-квартирного дома с кухонькой и тёплым туалетом с канализацией! Что там 4-х-этажные коттеджи с башенками, плавательными бассейнами, тренажёрными залами и множеством ванн и туалетов на Рублёвке для нынешних олигархов по сравнению с этой квартиркой с видом из окна на р. Сеймчан и сопки на правом берегу р. Колымы для Деда. Он был безмерно счастлив.

После того, как Дед перестал быть поклонником Зелёного Змия, он стал следить

Разговор у костра

за собой и подчинил оставшиеся годы своей жизни чёткому графику. Вставал не позднее 7-ми утра, слушал радио, делал что-то вроде физзарядки, умывался и сразу же после очень лёгкого завтрака (а ел он очень мало по веским причинам – экономии денежных средств, проблем с пищеварением, а ещё и многолетней привычке) работал до самого обеда. Он делал карандашные наброски к будущим гравюрам, картинам маслом либо акварелям, реже писал маслом, а иногда и печатал гравюры. Однако обычно он оставлял это последнее занятие на вечер. К тому же с некоторых пор ему стало делать это затруднительно, а молодые геологи с удовольствием помогали ему. К обеду, то есть примерно к часу дня, Дед надевал зимнее пальто, поднимал воротник, напяливал глубоко на уши неизменную шляпу, которую носил и в пятидесятиградусные морозы, одевал войлочные боты «Прощай, молодость» и шёл гулять, помахивая сучковатой, но изящной, до блеска отполированной его рукой палкой из даурской лиственницы.

Первым местом, где Дед тормозил, был книжный магазин, занимавший старый деревянный барак. Он был неказист снаружи и внутри, зато зимой в нём было всегда тепло, а летом – прохладно. Если был очередной привоз литературы, то Дед обзаводился новыми книгами. Преимущественно он покупал книги по искусству, иллюстрированные альбомы отечественных и зарубежных художников, но также поэтические сборники и прозу. Большую часть своей мизерной пенсии и тех денег, которые удавалось выручить за счёт продажи гравюр и иногда картин, Емельянович оставлял именно здесь. Молодые продавщицы любили Деда и откладывали ему лучшие книги сразу же, как только их привозили. Потолкавшись минут пятнадцать у прилавка, рассказав какую-нибудь смешную историю из своей богатой жизни или анекдот, Дед двигался дальше. Заходил в промтоварный магазин-универсам, чтобы просто поболтать с продавщицами, среди которых была милая татарочка по имени Венера и кореянка по фамилии Ким (примерно то же, что Иванов для русских). Вообще, откуда в Сеймчане взялись корейцы, до сих пор ума не приложу. Например, Сеймчанским УРСом (Управлением ресторанов и столовых) заведовал Тин Юй Джен, отбывший на Колыме тоже какой-то срок (поговаривали, что за шпионаж в пользу японских «самураев»). Всегда по-восточному невозмутимый, безукоризненно одетый и элегантный не по-колымски, он очень смешно говорил по-русски, путая падежи, местоимения, окончания слов и мягко произнося сочетания согласных и гласных. Рассказывали, что как-то раз у себя в кабинете Тин Юй Джен кричал по телефону: «Давай машина подлюка!», что на самом деле означало: «Пришлите, пожалуйста, машину для перевозки лука (под лук)» и т.д.

После промтоварного магазина Дед, помахивая палочкой и раскланиваясь со всеми встречными, продолжал свою прогулку. Как-то раз, оказавшись на улице в предобеденное время, я стал свидетелем забавной сценки. Навстречу Деду по заснеженной, с метровыми сугробами, дороге шёл второй секретарь Среднеканского Райкома партии по фамилии Дрозд. Несмотря на птичью фамилию, это был степенный и солидный мужчина, недавно появившейся в

нашем посёлке. Узрев его, Емельянович снял шляпу и в пояс поклонился, как крепостные крестьяне при приближении коляски барина на полотнах художников-передвижников. Дрозд поморщился, но деваться было некуда, и он приветливо кивнул Деду, сделав вид, что не заметил его проделки. Друзья рассказали мне потом, что это обычная манера Деда здороваться с людьми из Райкома партии (Parteigenossen), почему они, завидев его издали, спешили перейти на другую сторону улицы.

[Здесь, позволю себе отойти в сторону от основной темы и рассказать «байку в байке» о Дрозде. В целом, мужик он был не вредный, но дело не в этом, а в том, что года через два после его приезда в отделе перевозок аэропорта появился новый начальник по фамилии Сыч. В это время Дрозда в посёлке не было – то ли он был в отпуске, то ли в командировке. Но вот он опять в Сеймчане и вскоре ему понадобилось куда-то лететь. Естественно, он, как большой начальник (местный «бугор»), снял с рычага телефонную трубку и позвонил в отдел перевозок, чтобы заказать билет. Трубку в аэропорту подняли и произошёл такой разговор:

- Дрозд (вальняжно, заранее зная, что это произведёт впечатление):

«Говорит Дрозд».

- Незнакомый голос на том конце провода: «Сыч слушает».

- Опешивший Дрозд, думая, что кто-то решил его разыграть: «Но это говорит Дрозд».

- Из аэропорта: «А Сыч слушает»...

И т.д.

Как выяснилось, Сыч ещё не знал о существовании в Райкоме человека по фамилии Дрозд, поскольку принадлежал к блоку беспартийных, а аэропорт находился в 2-х км от посёлка и зимой люди из посёлка и люди, жившие в районе аэропорта, где и жил Сыч, могли месяцами не видеть друг друга. Сыч, говорят, тоже решил, что его разыгрывают, но он был флегматик и пофигист. А вот Дрозд, человек обидчивый и без особого чувства юмора, был взбешён.]

Перед тем, как пойти в столовую, Емельянович заходил в клуб, расположенный в самом центре посёлка, и, в зависимости от полученной информации о фильме, который будут показывать вечером, обзаводился (по блату, без очереди!) или не обзаводился билетом на вечерний сеанс. Билеты продавала Ксения Семёновна Модилова, весьма экстравагантная дама, по слухам, родственница Бунина, когда-то

жившая в граде на Неве, но затем сменившая его по каким-то причинам на лагерные бараки 3-ей фабрики и свежий воздух колымской тайги. Обычно после обеда Дед заходил к нам в экспедицию и минут по 10-15 проводил время в беседах с геологами на различные темы. Нас, молодых ребят, Емельянович привлекал прежде всего своим неиссякаемым оптимизмом и философским взглядом на жизнь. Он был на удивление расположен к людям и умел внимательно слушать других, всем своим видом демонстрируя живой интерес, что является редким даром истинных мудрецов. В его обществе было как-то удивительно легко и комфортно; сразу становилось легче на душе и думалось о себе лучше. В то же время с теми, кого Дед не любил, особенно по прежним временам, он был язвителен и подчас резок.

После общения с геологами Иван Емельянович возвращался домой, неся в руке авоську с продуктами, купленными в магазине около столовой. И опять рисовал, либо писал картины часов до семи вечера. Затем следовало вечернее чаепитие, чтение книг и просмотр приобретённой литературы. Ложился спать Дед довольно поздно. Мы любили заходить к нему вечером, тем более, что он всегда был рад гостям. Обстановка в квартирке приближалась к спартанской, но было аккуратно и чисто; вдоль стен стояли стеллажи с книгами, а в одном из углов помещался стол с самодельным приспособлением (станком) для производства линогравюр. Коллекция альбомов у Емельяновича была замечательная: тут тебе и скульптура Древней Эллады, и этруски, и мастера эпохи Возрождения, и классицизм, и барбизонцы, и передвижники, и импрессионисты, и т.д., и т.п. Впервые у Деда узнали мы о Сальвадоре Дали и посмотрели первый альбом Глазунова, выпущенный, если мне память не изменяет, в 1972 году. Помимо книг и альбомов по искусству, которые Дед приобретал в магазине, он пользовался услугами службы «Книга – почтой». За окном синел вечер, розовели вдали на другом берегу реки покрытые снегом сопки, а мой друг Олег и я садились прямо на пол или на истёртый коврик и с удовольствием рассматривали альбомы. Дед, сидя зади нас на ветхом кресле, время от времени выдавал свои комментарии по тому или иному поводу. Они были интересны, а подчас весьма забавны. Нам льстило, что Емельянович прислушивался к нашему мнению относительно его работ. Временами Олег любил подразнить Деда: «Ну, где это Вы видели такое освещение? Здесь, по крайней мере, три источника света». Дед моментально заводился, терял всякое чувство юмора и своё обычное красноречие. Он сдвигал свои седые, косматые брови и бубнил: «Так и булб!». Олег, переходя на «ты» (чему Емельянович совсем не

противился), в таких случаях продолжал: «Ну, Дед, ты даёшь! Ты – художник или фотограф?».

Как это ни покажется странным столичным жителям, но далеко к востоку от Урала говорят в целом значительно чище, чем во многих областях центральной России. Однако Дед за все свои долгие годы проживания на колымской земле от своего малоросского произношения не избавился. Вместе с тем, говорил он очень образно, сочно, пользуясь яркими метафорами и поразительной мимикой, так что слушать его было интересно.

В харьковской губернии жил он в районе станицы Лозовой, где в лихие годы гражданской войны гуляли и красные, и зелёные, и золотопогонные, и, конечно же, отчаянные ребята батьки Махно. Емельянович рассказывал, как, будучи пятнадцатилетним парнем, году в двадцатом ехал он на паровозе, который был остановлен махновцами, и как сам длинноволосый батька, сидя на тачанке с пулемётами, вершил судьбы богатеньких (купцов и т.д.), экспроприруя «награбленное у народа для народа» и деля его затем среди голодранцев, а купцов на потеху гольгтыбе заставлял при этом играть на гармошке и танцевать вприсядку. Такой вот местный Робин-Гуд первых десятилетий XX века. На наш вопрос: «Какое же было отношение к Махно у простого народа?», Дед, ухмыляясь, ответил: «Разное» и расшифровывать не стал.

Дед никогда не был женат, но случилось так, что когда бесконвойным он находился на службе в семье геологов, занимавший ответственный пост в Сеймчанском ГРУ отец мальчика, за которым присматривал Емельянович, был репрессирован и расстрелян. Это произошло в начале 50-ых годов. Мать мальчика оказалась (или была в это время) в Ленинграде. В детях не знаю, но мальчика стал воспитывать Дед. Мальчик, Игорь Шабарин, закончив школу, уехал в Ленинград, поступил в Горный институт и получил диплом гидрогеолога – инженерного геолога. Затем он вернулся в Магадан и стал там работать. Игорь очень любил Ивана Емельяновича, считая его своим вторым отцом. Дед отвечал ему взаимной любовью. Когда Емельянович был помоложе, Игорь иногда брал его с собой на полевые исследования. Среди работ Деда этого времени преобладают гравюры и картины маслом с быстрыми речками и обычно горами замшелых валунов на переднем плане. Игорь, по-видимому, пошёл в геологию из-за любви к природе. Он любил путешествовать, особенно на плавсредствах. Среди хороших друзей Игоря был и Олег Куваев. Летом 1975 года они собирались сплавиться на байдарках по рекам Седедеме и Алазее, на косах которых в то время было множество красивых агатов. Предварительно Шабарин и Куваев планировали посетить в Сеймчане Деда, который также был знаком с Куваевым и встречался с ним и в Магадане, и на «материке». Они переписывались. Дед зачитывал Олегу Леонидову и мне некоторые из этих писем. Куваев жил в пригородном доме под Москвой и работал над новым большим романом. В одном из последних писем он писал: «Сейчас пишу роман про бичей. Мне кажется,

Разговор у костра

будет интересно. Надеюсь, что это будет лучше из того, что я до сих пор написал. Не исключены трудности при его опубликовании». Вскоре его не стало.

Про лагерную жизнь Дед, естественно, не очень-то любил рассказывать, хотя иногда его «пробивало». Однако такой безысходности и ужасов, которыми пропитаны рассказы Шаламова, прочитанные мною много позже, в его повествованиях не было. Вероятно, всё-таки очень много зависит от восприятия конкретного индивидуума, хотя иногда Дед, вспоминая прожитое, вдруг замолкал, а потом говорил тихо: «Да, разное бывало». Конечно; ведь одно то, что Емельяновичу перед тем, как оказаться в колымских бараках, пришлось проделать, помимо всего прочего, длинный путь в спецвагонах через всю страну с не одним пересыльным пунктом до Владивостока и Находки, а потом морским путём при сильной качке, когда все зеки в трюмах лежали вповалку в блевотине, от порта Ванино до бухты Нагаева в Магадане, далее этапом по Колымскому тракту до Стрелки с дальнейшим отворотом на Среднекан и т.д. (всего от Магадана более 500 км), немудрено даже представить. Лагерная тематика в творчестве Деда представляется небольшим числом работ. Наиболее известна среди них гравюра «Этап», выставленная на упомянутой выше выставке в Москве в период «хрущёвской оттепели».

Из его редких серьёзных воспоминаний о лагерной жизни (обычно же это были всякие курьёзности да хохмочки), мне запомнился почему-то рассказ о том, как при получении переводов с воли (уж не помню, в связи с чем и как), зеки выявляли и затем жестоко лупили тех, кто «стучит» и получает за это деньги из какого-то номерного источника. Тогда мне этот рассказ показался неинтересным или, если и заинтересовал, то только потому, что в нём в качестве пострадавшего фигурировал один из старейших работников нашей экспедиции (не геолог). Позднее о совершенно аналогичной ситуации прочитал у Соляницына в его книге про «шарашку» («В круте первом»).

Кстати, Колымская трасса и путь от Сеймчана вверх по одноименной речке до наиболее страшно по рассказам многих лагеря «Каньон», крепко врезались в память Деда и стали темой многих его линогравюр, акварелей и картин маслом со звучными названиями: «Озеро Джека Лондона», «Озеро Танцующих хариусов», «Оротук» и т.д. Почти непременным атрибутом всех его колымских пейзажей является крест (или кресты) вдоль дороги, петляющей среди сопки и излучин рек; причём нередко этот крест находится на переднем плане. Надо сказать, что это очень не нравилось местным и областным начальникам, когда заходила речь об организации какой-нибудь персональной выставки любого масштаба – скажем, даже в Красном уголке экспедиции или, тем более, в нашем поселковом клубе, не говоря уж о Магадане. Вердикт их не отличался оригинальностью: «Упадочническое искусство. Надо воспевать героический труд энтузиастов Советского Севера. Где это он столько крестов взял? Их в этом месте никогда и не было. Да и вообще...» и т.п.

Как-то раз геологи экспедиции, чтобы помочь финансовым проблемам Деда, развесили его гравюры и несколько картин маслом в Красном уголке, куда был свободный доступ всем

желающим. Гравюры, хоть и по мизерной цене, неплохо раскупались. Но об этом стало известно в райкоме, тем более, что из Магадана прилетело какое-то начальство. Получился скандал, хотя до магаданских ушей он не дошёл. Все зачинщики были вызваны в райком, где помимо партработников присутствовал и Глава поселкового Совета Дягилев. В райкоме развесили и разложили на столах гравюры, а Глава Поссовета, естественно, стал главным художественным критиком. Одна из новых линогравюр Деда называлась «Колымская Венера»: на траве на крутом берегу бурной реки в неглиже, поджав под себя крепкие ноги и выпятив грудь, сидела якутская девушка и смотрела вдаль. Всем нам сразу стало ясно, что Дягилева, якута по национальности, более всего возмутила именно эта гравюра, но для начала он, конечно, прошёлся по крестам. Затем, закрыв ладонью обнажённую фигуру и оставив лицо, он промолвил: «Что за пёсья морда; пёсья и есть» и т.д. Никто, впрочем, особенно не пострадал – не те уже времена были; семидесятые годы – не начало пятидесятых, но двое молодых геологов (муж и жена), собиравшиеся после полевого сезона в отпуске посетить по туристическим путёвкам братскую Венгрию, не смогли в Магаданском обкоме партии получить разрешение на выезд. Между прочим, гравюра «Колымская Венера» в середине 80-ых годов теперь уже прошлого века висела в кабинете №42 на Мойке, 120, где тогда размещался Геологический отдел, возглавляемый Школой.

Кстати, о женщинах. Женщины были у Деда одним из пунктиков. Он их всех обожал и превозносил – сказались годы лагерной изоляции. В один из тёмных зимних вечеров Дед поведал нам о своей горячей плотской любви к какой-то даме (кажется, «вольняшке») в свой послелагерный период. Несмотря на красочные описания, пошлость и цинизм в его повествовании совершенно отсутствовали. В начале 70-ых годов, получив, наконец, возможность побывать за Уралом и посетив своих друзей в Москве и Ленинграде, на мой вопрос: «Как там Питер?», Дед ответил: «Прекрасно. Я не вылезал из Эрмитажа и Русского музея», а потом вдруг, перейдя на шёпот, продолжил: «Посетил и универмаг «Смерть мужьям». Ну, я тебе скажу-у; там такие Хризантемы ходят!». После чего, качая головой и трясая бородой, заговорчески подмигнул и громко зацокал языком. (На всякий случай напомню, что универмаг, получивший в народе такое название за то, что в нём продавали очень дорогое женское бельё и прочие штучки, находился на чётной стороне Невского, недалеко от поворота на Дворцовую площадь).

Я, конечно, знаком далеко не со всеми произведениями Ивана Емельяновича и не собираюсь выступать в качестве критика, говоря о каких-то периодах в его творчестве. Вместе с тем, из того, что я видел, могу предположить, что Дед достаточно кардинально изменил манеру своего рисунка на рубеже 50-ых и 60-ых годов. Его рисунки (скорее, наброски) более раннего послелагерного времени, когда основной темой их были первые покорители севера Сибири – казаки-землепроходцы, Черский со своими спутниками и семьёй и т.п., по манере исполнения (сугубо, с моей точки зрения) носят несколько «лубковый» характер и близки почерку Перова

и отчасти раннего Васнецова. Более поздним работам свойственен более резкий и жёсткий, если так можно выразиться, рисунок. Тематика – сопки, поросшие чахоточными лиственницами и корявым кедровым стлаником, а также голые гольцы с крутыми склонами и одинокими деревьями с обломанными верхушками, а также обязательными крестами на переднем плане. Если присутствуют персонажи, то это – местное население с ярковыраженными монголоидными чертами лица в окружении собак либо геологи в маршруте и на стоянках. Привлекала Деда и тема острогов с часовенками и небольшими церквушками, расположенными в красивых местах и, как и положено им, около воды, но на возвышенных участках рельефа. Эти рисунки обычно выполнены цветными карандашами с преобладанием синих цветов широкой тоновой гаммы. Мне кажется, в бога Дед не верил, но крест на шее носил, что тогда было редкостью. В то время, когда я был знаком с Емельяновичем, он почти не рисовал и не писал с натуры. «У меня всё в голове и в сердце», – говорил он.

Среди гравюр наиболее удачными, с моей «кочки» зрения, являются две – «Табун» и «Последний друг». На первой, где по долине реки несутся лошади, не зная куда, и зачем (другое название – «От себя не убежишь!»), – сплошная динамика, экспрессия; на второй гравюре, где среди белого безмолвия снег заносит нарты и замёрзшего каюра, а рядом сидит и воет его верная ездовая лайка, – тоска и статика.

Маслом и акварелью Дед писал ту же Колымскую трассу, окрестности Сеймчана и Каньон, но если на гравюрах и рисунках цветными карандашами пейзажи в целом и особенно горные гряды на этих пейзажах несколько искажены и стилизованы (например, склоны гор подчас весьма круты и т.д.), то на картинах, написанных красками, соблюдены пропорции и всё в порядке с композицией и перспективой; пейзажи реалистичны. Впрочем, это не всегда так. Исключением являются пейзажи каких-то диковинных стран с бордово-красными горами-утёсами, сиренево-оранжевым небом, почти зелёным с белыми барашками морем, яркими угловатыми фигурами рыбаков и рыбацек на коричнево-оранжевом песке. Что-то от Грина и Паустовского одновременно. Очень удивительно такие пейзажи смотрелись в небольшой квартирке Емельяновича; особенно когда за окном темень, туман и «шёпот звёзд», то есть температура воздуха не выше 40-45° мороза. Этому посвящена картина Деда под названием «-50°», написанная в пастельных светло-желтоватых с переходами к светло-серым – белым – белёсым тонам. Контуры дома (скорее всего, метеостанции), телеграфного столба, людей и, вероятно, собаки размыты и как бы «дрожат», как это и бывает в сильные морозы-стуманом; в центре картины громадное солнце висит над домом и окружено ореолами. Когда Емельяновичу особенно нравилась какая-нибудь картина в альбомах, которые мы смотрели, сидя на полу, он говорил про неё: «С настроением». Эта его любимая фраза, мне кажется, очень подходит к картине «-50°».

Но хватит о живописи. Иван Емельянович был личностью. Мы поражались его отношению к жизни, его оптимизму, доброжелательности и силе духа при становящейся всё более бестелесной комплекции. В 1975 году я собирался в

отпуск за три года, поэтому вернулся в Сеймчан с полевых работ рано – во второй половине сентября, предварительно перегнав с двумя рабочими и старшим техником наших лошадей от места работ на Западной Чукотке до посёлка Омолон. Покончив с делами, я поспешил к Деду и узнал, что он в больнице.

К этому времени в нашем посёлке был построен новый, достаточно современный для тех мест медицинский корпус. Дед в белой рубашке лежал в отдельной палате. Всё было чисто и аккуратно; в окно светило осеннее солнце. Лицо Емельяновича бледно-жёлтого цвета, изрытое глубокими бороздами морщин («следами былых улыбок»), было спокойно. Он походил на какого-то пророка. Рядом на тумбочке лежали книги. Мы поговорили на разные темы. «Говорят, у меня от печени ничего не осталось, а медсестра никак вены найти не может, чтобы укол сделать», – вдруг сказал Дед и улыбнулся. Потом, помолчав, добавил: «А хотелось бы выкарабкаться». Через два дня я улетел «на материк», ещё раз, перед отъездом, заглянув к Деду.

В январе 1976 года, находясь в отпуске в Ленинграде, я получил телеграмму из Сеймчана о том, что Иван Емельянович скончался. Ему шёл 70-ый год. Позднее одна из медсестёр рассказала нам с Олегом, что при вскрытии тела врачи были поражены, до какой степени изношены все жизненно важные органы Деда. Жил он последние годы, исключительно опираясь на силу своей воли и жажду жизни. На колымской земле он прожил в общей сложности 38 лет.

Рудаков

Рудаков заведовал экспедиционной мастерской. Это был здоровенный мужик, с крупными чертами лица, как бы вырубленным топором. Вместе с тем, его лицо сразу располагало к себе, выражая сильную волю, уверенность в собственных силах и спокойствие. В здоровенной волосатой лапе Рудакова собственная длань казалась маленькой и беспомощной. Но эти громадные лапы с толстыми, как сосиски, пальцами были на удивление ловки и могли делать очень тонкую работу. Мне не так много приходилось по работе сталкиваться с Рудаковым. В основном, перед полевыми сезонами, когда нужно было заказать, например, печку-буржуйку или сделать лабаз из бочки, отрезав у неё верхнюю часть, затем заварить в ней отверстие, а потом приварить и к этой нижней и к верхней частям бочки крюки и т.д. или просто попросить машину для перевозки груза. У Рудакова всё всегда было продумано до мелочей и делалось в срок и очень быстро. Я никогда не интересовался, какое у Рудакова образование, но он легко разбирался в чертежах. Говорил Рудаков медленно и уверенно, подчас с тонким скрытым юмором. Это был редкий человек, к которому абсолютно все относились с уважением. Я догадывался, что Рудаков сидел – об этом свидетельствовали накладки на руках и т.д., но не интересовался, за что. Только через несколько лет работы в экспедиции, я случайно узнал, что он был известным «медвежатником» и большим авторитетом на зоне.

Продолжение в следующем номере
Копаро Е.А.

